
DOI 10.15826/qr.2015.2.103

УДК 94(430.2):398+94(470):398+327.2

Елена Приказчикова

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ ПРУССКОГО МИФА В КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ XX В.**

Elena Prikazchikova

**POLITICAL AND NATIONAL-CULTURAL ASPECTS
OF THE PRUSSIAN MYTH IN THE CONTEXT
OF RUSSIA-GERMANY RELATIONS OF THE 20th CENTURY**

Referring to a large number of Soviet, Russian and German memoirs, fiction and journalistic texts, the author studies the main ways of formation and development of the Prussian myth that is connected with the German province of East Prussia and its people during World War II and the post-war period. The author explores the historical, national and psychological reasons that underlie the idea of Prussia and Prussians as the most vivid image of the Alien or the Enemy in Soviet people's consciousness during the Great Patriotic War. Heavily relying on propaganda, the negative mythology of Prussia imposed that it be perceived as *the den of the fascist beast*, a place that *generated antihuman theories and annexationist plans*, and, secondly, a land that was originally Russian and then occupied by the Livonian Order. It is such ideas that formed the official state policy of the expulsion of the Prussian spirit that took place during the first three post-war decades in Kaliningrad Region. Additionally, Soviet and post-Soviet memoir or autobiographical literature (D. Shcheglov, A. Nevsky, P. Mikhin, Yu. Zhukova) formed the idea of a close connection of a number of nation-specific traits of the Germans with centuries-old Prussian militarism. This is how the Russia-Germany relations conflict was formed between Russian chaos and German cosmos, and was reflected not only in the Russian but also German egodocuments of the World War II. Among the main variations of the Prussian myth, there is one that consists in the idea of Prussia as of German Arcadia, an agricultural paradise (M. Muller, H. Rauschenbach, A. Surminski) lost as a result of the War. Another – German – variation of the Prussian myth is the idea of Prussia and its dwellers as the main loss Germany had to go through in the course of World War II. The authors of egodocuments that reflect this point of view (H. Gerlach, G. Köpp, M. Wieck) describe their lives as part of the historical

tragedy of East Prussia and Germany as a whole. It is such memoirs that are most frequently used by Western European historians (M. Hastings, G. Bōddeker, N. M. Naimark) to create an impression of the Soviet Army's extremely violent behaviour in East Prussia. A third variation of the Prussian myth created by Germans may be called soteriological and depicts this eastern German land as a saviour bearing the brunt from the East and granting its inhabitants a chance to find a way out of the country and go to the West over the Baltic Sea. In these ideas formulated both by professional writers (G. Grass, E. Jūnger) and memoirists (E. Tannehill, G. Nitsch) the image of the Red Army and Russians often regarded as an uncontrollable force, the personification of chaos plays an important role. At the end of the article, referring to a vast number of egodocuments written by both Russians (Ya. Terentyev, E. F. Agapov, G. A. Melikhov, A. E. Kashpur, P. Kh. Kharitonov) and Germans (R. Klaussen), the author outlines ways out of the space of war and into the space of multicultural European consciousness that includes both Germany and Russia.

Keywords: Prussian myth; World War II; memoir and biographical sources; Russia-Germany relations.

В статье на основе большого количества советских/российских и немецких мемуарных источников и художественно-публицистических текстов рассматриваются основные пути формирования и развития прусского мифа, связанного с судьбой немецкой провинции Восточная Пруссия и ее народа во время Второй мировой войны и в послевоенные годы. Автор статьи исследует исторические и национально-психологические причины, позволившие сформировать представление о Пруссии и пруссаках как о наиболее ярком воплощении образа Чужого – Врага в сознании советских людей во время Великой Отечественной войны. Включая в себя значительный элемент пропаганды, негативная мифология Пруссии предписывала видеть в этой немецкой земле, во-первых, «логово фашистского зверя», где «вынашивались человеконенавистнические теории и захватнические планы», а во-вторых, исконно русскую землю, в свое время захваченную Ливонским орденом. Подобные представления составляли основу официальной государственной политики «изгнания прусского духа», продолжавшуюся в Калининградской области на протяжении первых трех послевоенных десятилетий. Одновременно с этим в мемуарно-автобиографической литературе советской и постсоветской эпох (Д. Щеглов, А. Невский, П. Михин, Ю. Жукова) формируется представление о тесной связи многих национальных черт немецкого народа, включая любовь к порядку и дисциплине, с извечным прусским милитаризмом. Таким образом, формируется основной национальный конфликт российско-немецких отношений: между русским хаосом и немецким космосом, нашедший отражение не только в российских, но и в немецких эгодокументах Второй мировой войны. Среди основных вариантов прусского мифа, создаваемого бывшими жителями Восточной Пруссии, важное место занимает представление о Пруссии как о немецкой Аркадии, земельном рае (М. Мюллер, Х. Раушенбах, А. Зурмински), потерянном

в результате войны. Вторым вариантом прусского мифа с немецкой стороны является представление о Пруссии и ее жителях как основной жертве, понесенной Германией во время Второй мировой войны. Авторы эгодокументов, в которых представлена данная точка зрения (Х. Герлах, Г. Кэпп, М. Вик), рассматривают свою судьбу на фоне исторической трагедии Восточной Пруссии и всей Германии в целом. Именно такие воспоминания чаще всего используются западноевропейскими историками (М. Гастингс, Г. Беддекер, Н. М. Неймарк) для создания впечатления об исключительно жестоком поведении солдат Красной армии на земле Восточной Пруссии. Третий вариант прусского мифа с немецкой стороны, который можно условно назвать сотериологическим, представляет данную восточногерманскую землю в качестве спасительницы, принявшей на себя основной удар с Востока, но давшей шанс своим жителям найти путь на Запад через волны Балтийского моря. Важное место в этих представлениях, авторами которых были как профессиональные писатели (Г. Грасс, Э. Юнгер), так и авторы мемуарных текстов (Э. Танехилл, Г. Нич), занимает образ Красной армии и русских, часто воспринимаемых в качестве необузданной стихийной силы, олицетворения хаоса. В финале статьи на основе многочисленных свидетельств источников личного происхождения как с российской (Я. Терентьев, Е. Ф. Агапов, Г. А. Мелихов, А. Е. Кашпур, П. Х. Харитонов), так и с немецкой стороны (Р. Клауссен), автор намечает пути выхода из «пространства войны» в пространство мультикультурного европейского сознания, включающего в себя как Германию, так и Россию.

Ключевые слова: прусский миф, Вторая мировая война, мемуарно-автобиографические источники, российско-германские отношения

Исторические истоки прусского мифа

Писатель и критик Л. Аннинский сравнивал взгляды немцев и русских в художественных текстах о войне с параллельно расположенными проводами, когда «провода рядом, а ток бьет в противоположных направлениях. На один и тот же вопрос русские и немцы отвечают по-разному и, всматриваясь друг в друга в перекликающихся ситуациях, видят разное» [Аннинский, с. 7]. Данное утверждение справедливо и при анализе военных мемуарно-автобиографических источников, где личностность, являющаяся важнейшим жанрообразующим элементом текста, формирует ментальную картину жизни человека на войне и определяет специфику возникающих между представителями противоборствующих сторон конфликтов. При этом сами конфликты определяются мифотворчеством разного свойства (национально-культурным, политическим), связанным с естественными ментальными различиями между нациями в процессе их национальной самоидентификации. Именно на этом пути

происходит формирование оппозиции «свой – другой (чужой)»¹. В соответствии с теорией этносимволизма, разработанной британским историком Энтони Смитом, нужно видеть в нации *transhistorical ideal type*, представители которого «shared myths, memories, symbols, values, and traditions, reside in and identify with a historic homeland, create and disseminate a distinctive public culture, and observe shared customs and common laws»² [Smith, p. 19]. В условиях войны на восприятие *transhistorical ideal type* начинает влиять часто искусственно созданный и определяемый субъективными впечатлениями автора образ Чужого – ВРАГА, становящийся объектом исследования в исторической имагологии. Е. С. Сениявская справедливо писала по этому поводу: «Ситуация опасности, исходящей от “чужого”... и составляет тот социальный и социокультурный контекст, в котором формируется “образ врага”» [Сениявская, 2006, с. 9]. В социокультурном контексте, созданном Второй мировой войной, немец, казалось бы, навеки стал отождествляться для русского с образом врага, по крайней мере с образом Чужого.

Обозначение *чужой* неизменно используется в «текстах войны» различных жанров для характеристики ментальной сущности немца и Германии. Так, в романе «Весталка» уральского писателя Н. Никонина главная героиня Лидия Одинцова, военная медсестра, так размышляет о немцах: «Пленные немцы и раненые – все равно немцы. Иного измерения, *другие* (здесь и далее курсив мой. – Е. П.) люди. ...Для меня это были люди словно из *антимира*, из какой-то, к несчастью, не выдуманной и не фантастической повести» [Никонов, с. 332]. В известнейшем мемуарно-публицистическом произведении советского времени – записках военной переводчицы Е. Ржевской «Берлин. Май 1945 года» – автор искренне поражается спокойному и деловому поведению немецкого населения в городке Стендале во время вхождения в их город в июле 1945 г. советских войск, заменивших американцев: «Нерушимы дисциплина, взаимные обязательства и заведенный порядок дел и распорядок дня. Тут хоть тресни. *Для нас это было чуждо*, непонятно, неприемлемо. <...> Мы это называли себялюбием, “мещанским эгоизмом”. <...> Они – *другие, чуждые*. <...> Мы не могли оценить этот труд *другой культуры*» [Ржевская, с. 192].

В. Беликов, бывший во время войны деревенским подростком, отражает в своих воспоминаниях впечатления о приходе немцев в их село: «Смотрим на них со страхом и любопытством. Вроде люди как люди. *Только форма чужая* и лопочут непонятно... <...> *Чужая*

¹ Гуманитарная проблема «свое» – «чужое» с конца XX в. в России активно разрабатывается Петрозаводской научной школой. С 1998 по 2015 г. в Петрозаводском государственном университете было проведено десять конференций по данной тематике с публикацией материалов.

² «разделяют мифы, воспоминания, символы, ценности и традиции, “живут” в них и идентифицируют с исторической родиной, создают и распространяют определенную общенародную культуру, соблюдают общие права и законы». (Здесь и далее перевод цитат – автора статьи.)

речь, чужие запахи, чужие непонятные вещи» [Беликов, с. 489–490]. В постсоветском мемуарном тексте – воспоминаниях артиллериста П. Михина содержится признание: «Что-то загадочное, чуждое, опасное и непонятное чувствовали мы всегда в немцах. Злые, коварные, хитрые, ловкие, жилистые, техничные, стойкие и надменные. Мирное, близкое соседство с фашистами было у нас немыслимо» [Михин, с. 228].

Именно это «пространство войны» породило один из самых драматических мифов Второй мировой войны – прусский миф, включающий в себя представление о Пруссии как наиболее враждебной для России части Германии и о немце-пруссаке как абсолютно чуждом для русского человека типе личности³. Для формирования данного мифа должны были возникнуть определенные социально-исторические условия, так как в начале XVIII в. именно Пруссия воспринималась Петром I в качестве абсолютного образца для подражания. В мемуарах А. Т. Болотова [Болотов], известного русского просветителя XVIII столетия, Пруссия и Кенигсберг эпохи Семилетней войны описываются как настоящий интеллектуальный парадиз, где автор впервые узнает, что такое библиотека, начинает читать немецкие романы и нравственно-этические трактаты, позволившие ему после возвращения в Россию вести подлинно философскую жизнь. Кенигсбергские сады и парки по берегам Прегеля на всю жизнь пробудили в Болотове любовь к помологии. Надо ли удивляться, что русский просветитель до конца своих дней (а прожил он 90 лет!) сохранил трогательную сентиментальную любовь ко второй, прусской родине. Во время Заграничных походов русской армии 1813 г. русские офицеры-мемуаристы И. Лажечников, Ф. Глинка, А. Раевский выражали искреннее восхищение Пруссией как олицетворением германского духа: «Сейчас угадаешь по чистоте, по выбеленным домам с крышами из черепицы, что местечко это принадлежит пруссакам. Новые нравы, новые обычаи (по сравнению с Польшей. – Е. П.), и признаюсь, в пользу немцев!» – отмечал И. Лажечников в «Походных записках русского офицера» [Лажечников, с. 63].

Со второй половины XVIII в. в восприятии Пруссии и пруссаков в России намечается негативная тенденция, отчетливо проявившаяся в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, где жители

³ Истоки формирования этих представлений в народной среде были хорошо проанализированы С. Оболенской в статье «Германия и немцы глазами русских в XIX веке». Антитеза русского и немца в художественной литературе, помимо известного противопоставления Обломова и Штольца у И. Гончарова, представлена в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, прежде всего в его повести «Железная воля» (1876), где носитель железной воли Гуго Пекторалис в конечном счете оказывается побежден своим русским противником Сафроньичем, а антитеза русского и немецкого менталитетов находит свое отражение в противопоставлении двух артефактов: немецкого топора и русского теста. В. К. Кантор в книге «Русская классика, или Бытие России» приходит к выводу, что центральной темой толстовского романа-эпопеи является тема чужого, при этом на роль этого чужого претендуют не столько французы, сколько немцы.

Пруссии отличаются грубостью, милитаризмом и исключительно верноподданническим духом. Борьба с голштинско-прускими порядками в русской армии конца XVIII – начала XIX в. в соответствии с принципом «русские прусских всегда бивали» часто рассматривалась как триумф подлинно национального свободолюбивого духа. Она находит свое отражение, к примеру, в стихах знаменитого поэта-партизана Отечественной войны 1812 г. Д. Давыдова (образ «хер-барона» фельдмаршала И. Дибича) и исторических анекдотах о генерале А. Ермолове, который просит императора Александра I в виде величайшей милости сделать его немцем.

После объединения Германии в 1871 г., когда первым германским императором был провозглашен прусский король Вильгельм I, Пруссия начинает диктовать всей Германии государственную идеологию, и этот прусский выбор требует от человека беспредельной преданности по отношению к государству, беспрекословного исполнения *лю-бых* его приказов. Чего стоит обращение германского кайзера Вильгельма II в 1891 г. к солдатам Потсдамского гарнизона, приведенное в «Военной энциклопедии» И. Сытина: «При нынешних социалистических беспорядках может случиться, что я прикажу вам стрелять в ваших собственных родственников, в братьев ваших и родителей. <...> Но если все-таки придется, то и тогда долг обязывает вас исполнить мой приказ» [Вильгельм II, с. 376–377]. Культурно-историческую предысторию этого прусского сознания показал немецкий историк С. Хаффнер, выводя его в книге «Preußen ohne Legende» из прусской просветительской утопии сурового государства Фридриха Вильгельма I. Одновременно с этим Хаффнер отмечал: «Grenze und Gefahr preußischen Religion Schulden erschien zum ersten Mal nur, wenn Hitler»⁴ [Haffner, S. 97].

На философском уровне ментальные характеристики пруссака, а также его роль в создании объединенной имперской Германии были проанализирована немецким философом первой трети XX в. В. Шубартом в книге «Europa und die Seele des Ostens» («Европа и дух Востока»): «Пруссия возвысилась потому, что племенные свойства сделали ее наиболее пригодной для воплощения общего идеала того времени. Пруссаки, как и его ландшафт, – холоден, трезв, расчетлив, лишен фантазии, интересуется только политикой, предпринимательством и войной». Далее следует жесткий вывод: «Опруссаченный немец представляет собой человеческий тип, своею резкостью искажающий тот человеческий образ, который – осознанно или нет – носят в себе другие культурные нации Европы, да и лучшие немцы» [Шубарт, с. 26, 288].

Негативный образ немца-пруссак неоднократно создавался не только русской, но и западноевропейской литературой. Достаточно вспомнить образ прусского офицера в новеллах Ги де Мопассана «Пышка» и «Мадемуазель Фифи», посвященных франко-прусской

⁴ «Границы и опасности прусской религии долга проявились впервые лишь при Гитлере».

войне 1870–1871 гг. Накануне Первой мировой войны появляется рассказ англичанина Д. Г. Лоуренса «Прусский офицер», в котором главный герой изображен отвратительным садистом и мелочным педантом, мучающим своего денщика и в конце концов им убитым.

Четкая антитеза немца-пруссак и австрийца встречается, к примеру, в мемуарах известного немецкого диверсанта австрийского происхождения О. Скорцени «My commando operations» [Scorzeny]⁵, в воспоминаниях брата известного советского поэта С. В. Михалкова М. В. Михалкова, профессионального разведчика в годы Великой Отечественной войны. Работая в качестве санитаря в немецком офицерском госпитале, он имел возможность сравнить нравы уроженцев различных германских областей. Если австрийцы, по его мнению, «в большинстве своем были добродушными, и их физиономии были даже весьма привлекательными», то арийцев-пруссаков, людей «чистых голубых кровей», разительно отличает от первых «лающий металлический голос, холодный взгляд, жестокость. Общаться с этими “гордцами” было чрезвычайно опасно, и даже в их обличье была нескрываемая враждебность» [Михалков С. В., Михалков М. В., с. 192].

Восточная Пруссия стала первой немецкой землей, на которую вступила Советская армия в конце 1944 г. Именно в это время в результате усиленной военной пропаганды был создан негативный образ Восточной Пруссии и ее жителей, который должен был «психологически настроить читателя, в первую очередь находящегося на линии фронта, на беспощадное отношение к смертельному врагу, внушив к нему не просто неприязнь, ненависть, но и отвращение» [Костяшов, с. 12]. В результате подобного подхода, по замечанию Ю. Кантор, «статьи во фронтовых газетах окрашивали в коричневый цвет все – от древней готической архитектуры до литературной классики» [Кантор].

Прусский миф в советской пропаганде

Основным акцентом пропаганды, направленной на создание негативного мифа Пруссии, была идея справедливого возмездия земле, являющейся «логовом фашистского зверя», откуда на Советский Союз пришла война. Данная тенденция ярко проявлялась в военной публицистике И. Эренбурга. 1 февраля 1945 г. в газете «Известия» появилась статья, в которой Эренбург писал: «Перинная пуховая пурга шумит в пустом Инстербурге. Пусть пламя возмездия гложет его, – мы помним о Минске, Киеве, о Смоленске, о Вязьме. <...> Теперь мы загнали порожденную немцами войну в их же собственное логово» [Эренбург]. Та же мысль проводится в статье, печатавшейся в газете «Правда» 13 и 15 апреля 1945 г. и представлявшей собой офици-

⁵ В них Скорцени негативно отзывался о «прусской палочной дисциплине», отмечает характерную для пруссаков «чопорность, а иногда и недостаток такта».

альную установку по отношению к Восточной Пруссии и ее столице: «Кенигсберг – это история преступлений Германии. Всю свою многовековую жизнь он жил разбоем, другая жизнь ему была неведома» [Падение Кенигсберга]. Данные заявления официальной прессы подтверждались авторитетом исторической науки. Так, в книге профессора А. И. Молока «Немецкий военный разбой в Европе. X–XX века» (1945) утверждалось: «Гитлеризм воскресил все наиболее мерзкое и гнусное, что было в истории Германии со времен “псов-рыцарей” и ландскнехтов средневековья. Он впитал в себя все самые отталкивающие черты реакционного пруссачества» [Молок, с. 4].

Подобное представление о Пруссии оказалось востребовано в процессе ее ликвидации в качестве национально-территориального и государственного образования. Эта характеристика сохранялась и после того, как Пруссия была ликвидирована по окончании Второй мировой войны⁶ как национально-территориальное и государственное образование. В областных радиопередачах настойчиво утверждалось, что Кенигсберг был центром «самого реакционного в мире юнкерского пруссачества, центр, где вынашивались человеконенавистнические теории и захватнические планы» [ГАКО, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 223]; «от времен тевтонов-меченосцев до гитлеровских штурмовиков Кенигсберг оставался сторожевым псом Германской империи на востоке» [ГАКО, ф. 19, оп. 1, д. 22, л. 20]. О самой Восточной Пруссии говорилось как о земле, которая на «протяжении многих веков являлась заклятым врагом всего свободлюбивого человечества» [ГАКО, ф. 19, оп. 1, д. 22, л. 33].

После переселения с 1947 г. на территорию бывшей Восточной Пруссии жителей из других областей Советского Союза активизируется еще одна грань антипрусского мифа. Пруссия провозглашается исконной русской землей, в свое время захваченной немцами. Новый аспект пропаганды хорошо отражается в воспоминаниях первых советских переселенцев: «На политзанятиях нам говорили, что это земля прусского милитаризма, а потом стали учить о том, что давным-давно это были русские земли, а их у нас отобрали; что губернатором Пруссии был отец знаменитого полководца Василий Суворов» (из воспоминаний военнослужащего Л. И. Фурманова) [Восточная Пруссия, с. 160].

В 1951 г. в Калининграде был издан сборник под названием «На Западе – нет больше Восточной Пруссии!», ставший апофеозом пропаганды. С этого момента в той части Пруссии, которая перешла к Советскому Союзу, на протяжении нескольких десятилетий начинает господствовать официальная государственная политика «изгнания прусского духа». Данная политика нашла отражение в сознании тех советских людей, для которых бывшая Восточная Пруссия стала новой родиной.

⁶ Территория Пруссии по решению Потсдамской конференции 1945 г. была поделена между Польшей и Советским Союзом, а все оставшееся немецкое население переселено на исконные немецкие земли за Одером. Кенигсберг, столица Восточной Пруссии, с 4 июля 1946 г. стал носить имя недавно скончавшегося «всероссийского старосты» М. Калинина.

В своих воспоминаниях они открыто говорят о том, каким конфликтным оказалось на первых порах сосуществования русской и немецкой культур: «До сорок восьмого года, мне кажется, почти у всех было стремление больше уничтожить чужого, ненавистного, немецкого» [Восточная Пруссия, с. 160]. На вопрос, заданный одной из первых переселенок М. П. Тетеревлевой: «Скажите, на вас оказала какое-либо влияние немецкая культура?» – та отвечает: «Не думаю. Мы жили с мыслью, что все немецкое – враждебное, а средства массовой информации вдохновляли создавать здесь все советское» [Восточная Пруссия, с. 159–160]. Враждебность усиливалась решениями партийных структур о ликвидации памятников Прусского наследия⁷.

Но помимо официально-государственной линии формирования негативной мифологии Пруссии можно отметить характерную для советской и российской мемуарно-автобиографической литературы послевоенных лет тенденцию: представлять как неизменно чужое, непривычное, враждебное извечный немецкий порядок, аккуратность, жизненный достаток, который часто связывается авторами с извечным прусским милитаризмом.

В ретроспективно обработанном дневнике писателя и политического деятеля советской эпохи Дм. Щеглова, вышедшем еще в 60-х гг. XX в., так фиксируются первые впечатления от Восточно-Прусской операции 27 января 1945 г.: «Со всех сторон нас окружает жирный быт Германии. Заглядывая в погреба и кладовые, видишь добро, награбленное по всей Европе. <...> В аккуратных домиках-виллах постигаешь психологию высокомерия и расового самомнения. <...> Это то, чем укрепляется фашизм: собственность и эгоизм!» [Щеглов, с. 437].

Текст Щеглова выводит нас к пониманию одной из важнейших причин агрессивного поведения советских солдат по отношению к немецкому населению.

Европейские историки часто склонны видеть в этом либо проведение в жизнь тайных директив Сталина, либо отражение природного азиатского варварства солдат Красной армии⁸. В дневнике Щеглова от 29 апреля 1945 г. есть свидетельство того, с каким трудом проводились в жизнь в армии даже накануне взятия Берлина, не говоря уже о более ранних периодах войны, приказы Ставки о сдержанном и строго дисциплинированном отношении к немецким жителям: «Инерция ярости, боль неизжитых солдатских мук еще настолько велики, что все вокруг – хорошие квартиры крепкий немецкий быт, богатство – вызывает одно лишь чувство – нетерпимость! Все эти полочки, зеркальные шкафы, чуланы и погреба, наполненные разной снедью, – все это вызывает в памяти растоптанную нашу землю, кровь, унижения и гибель. И я хочу, чтоб немцы это понимали. Во всяком случае, те, кто

⁷ В 1967 г. по инициативе первого секретаря обкома КПСС Н. С. Коновалова было принято решение об уничтожении развалин Королевского замка в Кенигсберге, построенного в 1255 г. и являвшегося вместе с Кафедральным собором основной исторической достопримечательностью столицы бывшей Восточной Пруссии.

⁸ Классическим текстом является [Beevor].

здесь живет, – потомственные пролетарии. Мало того, они должны это разъяснять другим [Щеглов, с. 55].

В мемуарных текстах, написанных в постперестроечные годы, социально-классовый аспект присутствует в меньшей степени, однако пафос борьбы с чужим, враждебным бытом Пруссии, породившим из себя национал-социализм, все равно очень силен благодаря важнейшему жанрообразующему принципу мемуарного текста – памяти, аккумулирующей помимо личных воспоминаний самого автора память исторической эпохи, включающей в себя все аспекты ее политической или национальной мифологии.

В уже упоминавшихся записках П. Михина читаем: «...немецкое благополучие вызывало у нас не только тайную зависть, но и дополнительную злость. Поэтому интерес к немцу как к человеку был на втором плане. На первом было – зло и отмищение за все, что натворили они» [Михин, с. 228]. А. В. Невский в своих мемуарах «Мои дела военные», вспоминая о Восточной Пруссии 1945 г., приходит к безапелляционному выводу: «Вот эти крепкие хозяйства и давали германской армии офицеров, носителей прусского духа. Считается, что именно этот дух, а также традиционная склонность немцев к дисциплине и уважение к армии составили основу германского вермахта» [Невский, с. 150].

Описание богатства, благополучия, чистоты и порядка, которые нашли советские солдаты в Пруссии, часто вызывает недоуменный вопрос автора: «Чего же им, сволочам, у себя не хватало?» – например, в по-женски эмоциональных воспоминаниях Ю. Жуковой «Девушка со снайперской винтовкой»: «Там, в Пруссии, я впервые поняла, что такое немецкие педантизм и аккуратность, о которых слышала еще до войны. <...> Однако все это нас не умиляло, скорее даже вызывало обратную реакцию, ибо мы видели, что творили эти чистюли и аккуратисты на нашей земле, как безжалостно громили и уничтожали все на нашей территории» [Жукова, с. 134].

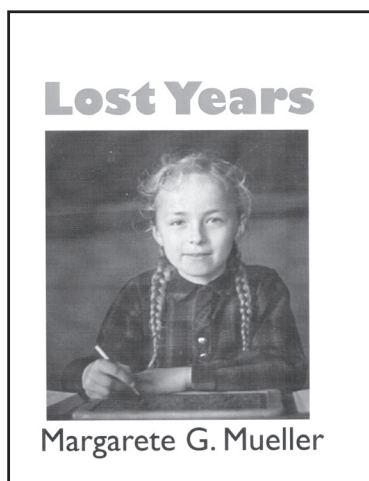
Таким образом, в российском сознании не только военного, но и послевоенного времени, нашедшем свое отражение в мемуарных источниках, символами прусского духа, часто ассоциируемого с нацизмом вообще, становились чистота, аккуратность добротного немецкого быта, склонность немцев к порядку и дисциплине, в которых виделись душевная черствость, самоуверенное надменное поведение; негативный образ дополнялся холодным взглядом и лающими интонациями голоса. Все это вместе взятое становится символом нерушимого немецкого порядка, выражающего себя в немецкой пословице «Ordnung muss sein» («Порядок превыше всего»).

Для самих немцев подобная трактовка культурной мифологии Пруссии и пруссаков совсем не очевидна. Хотя самой Пруссии нет на карте уже около семидесяти лет, но культурная память об этой немецкой земле, о «прусском духе» живет в сердцах немцев, вызывая ностальгические воспоминания о потерянной родине, «Land der dunklen

Wälder und kristallinen Seen» («Земля темных лесов и кристально-чистых озер»), как об этом поется в Восточно-Прусском гимне, слова которого были написаны поэтом Эрихом Ханнингхофером в 1932 г.

Миф о Пруссии как потерянном рае в немецких мемуарах

В противовес советскому мифу о цитадели зла, колыбели прусского милитаризма, в немецком сознании Пруссия – это прежде всего житница Германии, сельскохозяйственная Аркадия, отождествляемая ее жителями с земледельческим раем. Так, в книге воспомина-

ний Маргарет Мюллер «Lost Years. Memories of my forgotten homeland» («Потерянные годы. Воспоминания о моей забытой родине»), изданной в Канаде в 2008 г., в качестве эпиграфа взяты слова немецкого сентименталиста и предромантика Жан-Поля «Die Erinnerung ist, das einzige Paradies, woraus wir nicht vertrieben werden können»⁹ [Mueller, p. 7]. Уже в самом начале своих воспоминаний Мюллер воскрешает пленительный образ Восточной Пруссии, который сохранялся в ее памяти всю жизнь, начиная с времени пребывания в русском лагере близ Уральских гор до

октября 1949 г. Она пишет: «My homeland was in Ostpreussen which is now generally referred to as the “former east Prussia”. You will not find this region on any current map, because Ostpreussen ceased to exist in 1945. This region became, in effect, just another silent victim of a senseless war. But Ostpreussen will always live in my memory. This land of dark forests and crystal lakes remains in my heart to this day»¹⁰ [Mueller, p. 3].

В автобиографической книге Арно Зурмински «Jokehnen oder Wie lange fährt man von Ostpreußen nach Deutschland» («Йокеннен, или Путь из Восточной Пруссии в Германию»), автор которой родился в 1934 г. в восточнопрусской деревне Яглак (теперь польская Яглавски), путь главного героя Германа Штепдтата – это путь прощания с родной землей и больших потерь. Родители мальчика, отправленные русскими в советские лагеря за несколько месяцев до окончания

⁹ «Память – это единственный рай, из которого нас не изгонят».

¹⁰ «Моя родина была Восточной Пруссией, которая сейчас в основном характеризуется как “бывшая Восточная Пруссия”. Вы не найдете этот регион ни на одной существующей карте, потому что Восточная Пруссия перестала существовать в 1945 г. Этот регион стал еще одной молчаливой жертвой безжалостной войны. Но Восточная Пруссия будет всегда жить в моей памяти. Земля темных лесов и кристальных озер осталась в моем сердце до сих пор».

войны, умирают там уже в 1945 г. В книге нет описания зверств со стороны Красной армии, осиротевшего мальчика подкармливают советские солдаты, но, безусловно, передается атмосфера тех трагических для жителей Восточной Пруссии дней, когда немецкие дети играют в печально известную игру «*Frau, komm*»¹¹, а на основной вопрос книги «Долог ли путь из Восточной Пруссии в Германию?» следует ответ: «Многие не доехали» [Surminski, 2003].

Тем не менее райский тоpos Восточной Пруссии отчетливо просматривается в творчестве Зурмински. В своем предисловии к сборнику «*Aus dem Nest gefallen: Geschichten aus Kalischken*» («Выпавший из гнезда: Истории деревни Калишкен») он приводит легенду о сапожнике Кристиане, который отправился в Святую землю, чтобы узнать, что такое настоящий рай. На обратном пути на родину, так и не узнав, где находится настоящий рай, сапожник встречает архангела Гавриила, который рассказывает ему о земледельческом рае, описание которого напоминает Кристиану его родную деревню Калишкен, и он понимает, что эта восточнопрусская деревня – единственное райское место, еще оставшееся на земле [Surminski, 1978]. Наконец, в творчестве Хильдегард Раушенбах, проведшей три года (1945–1948) в советских лагерях на Урале (лагерь № 6437 близ г. Шадринска), образ Восточной Пруссии дается в этнографическом ключе. Во всех ее книгах, как прозаических, так и поэтических, выходявших по желанию автора не только в Германии, но и в России (Калининград, Шадринск)¹², неизменно присутствует образ Восточной Пруссии, а себя саму автор называет «*Ostpreussisches Marjell*» («восточнопрусская девчонка»). После возвращения из России в Западную Германию Раушенбах часто публиковали на страницах немецкого еженедельника *Ostpreußenblatt*. За усилия по сохранению в Германии восточнопрусского диалекта она была награждена медалью И. Канта в области культуры и искусства. В стихах Раушенбах рождается пленительный образ ее маленькой родины – небольшого городка Пиллькаллена на Шешупе-реке (чье название «тает на языке, подобно сметане» и аистов на крыше; она гордится тем, что в Берлине она «тонко и терпко» болтает на Platt (восточнопрусском диалекте) и помнит все любимые блюда восточнопрусской кухни. Вместе взятое, это создает ощущение утерянного земледельческого рая: не случайно шварцзауэр (поджарка с птичьей кровью) сравнивается Раушенбах с нектаром; ветчину, которая висела в их доме в чулане, уже нигде не найти на свете, а наливка из черной смородины, которую делала мать, так ударяет в голову, что слышно ангелов пение [Rauschenbach, 2004].

¹¹ Феномен детской памяти о военных насилиях в настоящее время активно исследуется в Восточной Германии. См. статьи исследовательниц из Йены: [Маубах; Сатюков].

¹² Речь идет о книгах: «В родном Пиллькаллене: Деревенские истории, произошедшие в Восточной Пруссии» (1999); «*Ich war verschleppt nach Sibirien*» («Ссылка в Сибирь», 2000); «*Ostpreussisches Marjellchen*», («Восточнопрусская девчонка», 2004); «*Marjellchen wird Berliner. Heimkehr aus Sibirien und Neuanfang*» («Девчонка из Восточной Пруссии теперь живет в Берлине. Возвращение из Сибири и новое начало», 2005).

Миф о Пруссии – жертве Красной армии

Аксиологически полярным аспектом прусского мифа с немецкой стороны, неизменно вызывавшим резкую критику российских историков [см.: Сенявская, 2012], является настойчивое подчеркивание того, что именно Восточная Пруссия стала жертвой мести Красной армии зимой, что привело к большому количеству жертв со стороны немецкого населения¹³. Так, в книге английского автора Макса Гастингса «Armageddon. The battle for Germany 1944–1945» глава, посвященная Восточной Пруссии, носит название «Blood and Ice», параграф которой озаглавлен словами одной из ее жительниц: «It was our Holocaust, but nobody cares»¹⁴ [Hastings, p. 328]. Своеобразной кульминацией этого «холокоста» является трагедия деревни Неммерсдорф (ныне Маяковское), многие жители которой были убиты 21 октября 1944 г. при первом вступлении Советской армии в Восточную Пруссию¹⁵. Выводы, к которым приходят западноевропейские историки, во многом основываются на свидетельствах источников личного происхождения с немецкой стороны, опубликованных в различные годы.

Так, воспоминания восточнопрусского подростка Х. Герлаха, пере-

веденные на русский язык в 2006 г. под названием «В сибирских лагерях: Воспоминания немецкого пленного», стали известны в англоязычных странах еще в 1970 г., где они назывались «Nightmare in Red» («Ночной кошмар у красных») [Gerlach]. Эмоциональные воспоминания Габриэлы Кэпп «Warum war ich bloß ein Mädchen? Das Trauma einer Flucht 1945» («Почему я родилась девочкой? Травма времен 1945-го») [Köpp] увидели свет в Германии лишь в 2010 г. Наиболее известным текстом в этом ряду является книга воспоминаний известного немецкого музыканта, еврея по происхождению М. Вика «Zeugnis vom untergang Königsbergs» («Свидетель гибели Кенигсберга») [Wieck]¹⁶.

¹³ Среди работ, отстаивающих данную точку зрения, см.: [Hoffmann; Boddiker; Naimark; Hastings].

¹⁴ «Это был наш холокост, но никому до этого нет дела».

¹⁵ Данный аспект неоднократно поднимался и в книгах советских и российских историков. См.: [Копелев; Рабичев; Никулин; Семиряга].

¹⁶ Эта книга переиздавалась в Германии с 1988 г. семь раз. В 2003 г. была переведена на английский язык; в 2004 г. в Санкт-Петербурге при содействии «Немецкого форума восточноевропейской культуры» было осуществлено ее издание на русском языке.

Эти воспоминания роднит общая авторская установка: рассмотреть личную судьбу на фоне военной и послевоенной исторической трагедии Восточной Пруссии и Германии в целом. Так, у 16-летнего Х. Герлаха личная драма связана не только с трагической судьбой его земляков, подвергшихся насилию во время зимнего наступления Красной армии, но и с полуторогодовым пребыванием в сибирских лагерях вместе с другими жителями округа Эльбинг, где, в соответствии с решениями Потсдамской конференции, они должны были отрабатывать в каменоломнях, торфяниках и на строительстве железных дорог «репарации трудом»¹⁷. У Г. Кэпп личная трагедия (неоднократное изнасилование в 15-летнем возрасте, после чего девушка до конца жизни испытывала страх перед мужчинами и не вышла замуж) проецируется на судьбу двух миллионов немецких женщин, ставших жертвами насилия в последние месяцы войны, большинство из которых были уроженками Восточной Пруссии¹⁸. Наконец, у М. Вика непростая судьба немецко-еврейского подростка (нацисты преследовали его в Кенигсберге как еврея, а советские власти видели в нем немца) разворачивается на фоне «умирания» старого Кенигсберга, который превратился в кладбище, сопровождающегося массовой гибелью его жителей от голода. Вик полагает, что из 130 тыс. населения, насчитывавшегося в Кенигсберге к моменту вступления в него Красной армии, через два года в живых осталось не более двадцати процентов. Это высказывание вызывает активное неприятие не только со стороны официальных историков, видящих здесь проявление фальсификации, но и со стороны рядовых российских читателей данных текстов¹⁹. С. Сумленный, проработавший пять лет собственным корреспондентом журнала «Экспресс» во Франкфурте-на-Майне, в своей книге «Немецкая система. Из чего сделана Германия и как она работает» на основе подобных свидетельств дает новые очертания немецкого мифа о Второй мировой войне, в котором основными виновниками немецких страданий становятся русские. Сумленный полагает, что не только публикации, но и немецкие фильмы последних лет («Бегство», «Безымянная: Женщина в Берлине» и др.) способствуют тому, что «в современном немецком мировоззрении образ русских во Второй мировой войне весьма напоминает картину, созданную пропагандистским министерством Геббельса: русские все чаще предстают как дикая орда, грабящая, насилующая и сжигающая цивилизованную страну» [Сумленный, с. 63]. Центральное место в подобных представлениях отводится именно мифу о Пруссии как основной немецкой жертве войны.

¹⁷ Сведения об этом есть в кн.: [Полян].

¹⁸ Данная цифра была публично озвучена Э. Бивором [Beevor].

¹⁹ Так, опубликованные на сайте журналиста Л. Володарского воспоминания Х. Герлаха вызывают такие комментарии: «По сравнению с тем, как относились к советским военнопленным в нацистских лагерях, советские лагеря были вполне гуманны и милосердны к немцам» (Алексей, 08.08.2012); «Пропагандистские записульки насмерть обиженного немца, в которых первая половина – несусветная чушь, а вторая – дико преувеличенные события, возможно имевшие место в жизни» (Роман, 28.11.2013) (URL: <http://www.lvobodarsky.ru/xorst-gerlax-v-sibirskix-lageryax.html>).

Миф о Пруссии как спасительнице немецкого населения Восточных земель

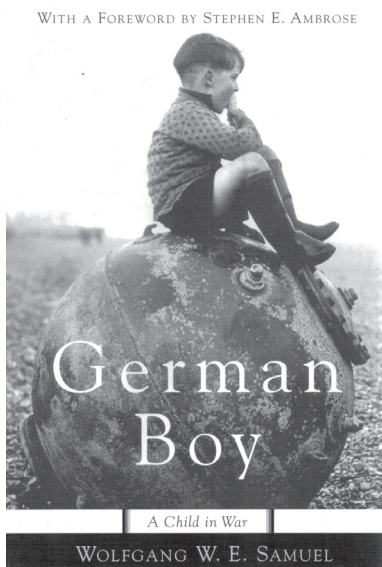
Третий вариант прусского мифа, также несущий в себе элементы полярной коннотации по отношению к российскому мифу о Пруссии – колыбели нацизма, представляет данную восточногерманскую землю в качестве спасительницы, принявшей на себя основной удар с Востока, но давшей шанс своим жителям найти путь на Запад через волны Балтийского моря. Одной из цементирующих скреп данного сотериологического мифа является образ немецкого лайнера «Вильгельм Густофф», затонувшего 30 января 1945 г. в результате торпедной атаки А. Маринеско с большим количеством немецких беженцев, спасающихся от наступления Красной армии. Важное место в данном мифе занимает образ Красной армии и советских солдат, часто воспринимаемых авторами в качестве необузданной стихийной силы, олицетворения русского хаоса. Мифология «прусского исхода» достаточно отчетливо проявляет себя в произведениях знаменитых немецких писателей, таких как Г. Грасс или Э. Юнгер. Грасс посвятил трагедии «Вильгельма Густоффа» книгу «Im Krebsgang» («Траектория краба», 2002). В 2006 г. вышла автобиографическая книга Г. Грасса «Beim Häuten der Zwiebel» («Луковица памяти»), в которой значительное место занимает трагедия семьи писателя, опоздавшей на «Вильгельма Густоффа», но оказавшейся в Данциге, где матери писателя, стремящейся защитить от насилия свою дочь, пришлось самой предлагать себя русским солдатам [Grass]. У Э. Юнгера в книге «Jahre der Okkupation (april 1945 – dezember 1948)» – «Годы оккупации (апрель 1945 – декабрь 1948)» – представлены свидетельства «большой дороги», по которой бредут мимо дома писателя изгнанные жители Восточной Пруссии, напоминающие тени Дантова ада, в то время как в их домах пируют, подобно женихам Пенелопы, оравы русских [Jünger]²⁰. В текстах подобного рода очень важной оказывается фигура умолчания: молчат потрясенные беженцы, лишь изредка передавая писателю чудовищные слухи об ужасах войны, часто не хватает нужных слов и самим писателям. Так, Г. Грасс признается, что его мать лишь на смертном одре рассказала дочери, что с ней произошло в Данциге, и вскоре после этого сестра писателя уходит в монастырь. По своей тональности почти физического ощущения гибели европейской цивилизации под ударами необузданной стихии эти немецкие тексты часто напоминают пафос «Окаянных дней» И. Бунина.

Произведения, создаваемые в рамках традиции данного прусского мифа, позволяют ответить на вопрос, почему в немецких текстах так настойчиво муссируется тема насилия над немецкими женщинами,

²⁰ В американской армии подобными маргиналами, обижающими немецкое население, являются у Э. Юнгера негры.

подменяя собой описание других страданий жертв войны. Именно в этом немцы видят тень эсхатологического Рагнарёка, гибели богов германо-скандинавской мифологии и торжества хаоса, происходящего на фоне «великаньей зимы», хорошо соотносящейся с кровавой зимой Восточной Пруссии 1945 г. Следует помнить, что начиная с эпохи немецкого романтизма одним из основных понятий немецкой культуры выступает концепт «метафизического страха», *die Angst*, несущий в себе, по справедливому мнению польского лингвиста Анны Вежбицкой, состояние «депрессии, тревоги, незащищенности и неуверенности» [Вежбицкая, с. 601]²¹.

Тема насилия звучит даже в воспоминаниях людей, бывших во время войны маленькими детьми, не понимающими смысла данного слова. Тем не менее, слыша о насилии над женщинами из радиопередач, читая об этом в газетах, впитывая страхи окружающих людей, в том числе матерей и сестер, авторы воспоминаний, обращаясь к собственной памяти как жанрообразующему элементу мемуарного текста, снова и снова воспроизводят свои фобии, связанные с приходом русских²². Это «поле страха» перед нерегулируемым и неуправляемым хаосом, кстати, объясняет причины многочисленных актов суицида среди немецкого населения в преддверии прихода русских, что не имело аналога в России при несравнимо более жестоких условиях немецкой оккупации. Конечно, для этого были и объективные причины. Так как земли восточнее Одера передавались под управление Польши и Советского Союза, на них, в отличие от «коренных немецких земель», ставших впоследствии территорией ГДР, не создавались немецкие органы самоуправления, что не могло не способствовать ситуации, когда немецкое население чувствовало себя незащищенным. Поэтому возвращение любого порядка, *Ordnung*, пусть даже

²¹ По замечанию М. Шрайбера, англосаксы заимствуют термин *Angst*, не переводя его на английский язык, видя в «*german angst*» проявление особо сильного чувства страха, отдающее глубиной (*Tiefe*), смертью (*Tod*) и бездной (*Abgrund*) [Schreiber, S.152].

²² «Поле страха» проявляется не только в восточнопрусских текстах, но представляет собой общенемецкий военный феномен. См. например, выпущенную в США книгу Вольфганга Самюэля «*German Boy. A child in war*», начинающуюся с того, что немецкий мальчик на берегу реки Бобер с ужасом ждет, что русские могут появиться в любой день: «*I was more afraid of the Russian than of anyone hiding in the bushes along the river*» («Я боюсь русских больше, чем любой спрятавшийся в кустах вдоль реки» [Samuel, p. 2].

русского, немцы рассматривают как безусловное благо, в отличие от русских, для которых «новый немецкий порядок» часто выступает как прекращение нормальной человеческой жизни вообще.

Эвелина Танехилл в предисловии к своей книге воспоминаний «Abandoned and forgotten. An Orphan Girl's Tale of Survival During World War II» («Изгнанные и забытые. Рассказы немецкой девочки-сироты о выживании во время Второй мировой войны») так характеризует ситуацию в Восточной Пруссии, когда на ее землю пришла война:

This is my story of growing up in the German province of East Prussia by the Baltic Sea during those tumultuous times. It is also my story of coming of age in a trouble world that had been turned upside down, a world where nothing was normal... the story relates what happens when law and order break down, and killing is a virtue rather than a sin – when human decency is exposed to the test of conscience, when desperation deadens all feeling of pity, when good and evil fight it out behind the scenes on their own battlefield, when compassion loses to human greed, and self-preservation is the only thing that matters²³ [Tannehill, p. 2].

В подобном взгляде как нельзя лучше отражается та «религия германизма», о которой писал еще Н. Бердяев на основе опыта Первой мировой войны, характеризуя источник германского пессимизма, часто подменяющего собой покаяние: «Немецкая мистическая организация, немецкий порядок не допускают апокалиптических переживаний, не терпят ощущений наступления конца старого мира, они закрепляют этот мир в плохой бесконечности. Апокалипсис германцы целиком предоставляют русскому хаосу, столь ими презируемому» [Бердяев, с. 173]. У Эвелины Танехилл этот хаос жизни в полной мере олицетворяют русские солдаты, которые врываются в их дом с требованием: «Frauen, Frauen, women, women... Give me watch! Give me gold! Give me silver! Give me rarygossa, cigarettes»²⁴ [Tannehill, p. 114]. Жертвами немецких солдат становятся немецкие женщины, одна из которых, фройлен Гретхен, «after another brutal rape session» говорит: «“They stink of

²³ «Это моя история взросления в германской провинции Восточная Пруссия у Балтийского моря в неспокойное время. Также это история вступления в возраст, когда мир перевернулся, мир, где ничего не было нормальным... история, повествующая о том, что случается, когда закон и порядок уничтожаются и убийство рассматривается скорее как добродетель, а не грех, – когда человеческая порядочность подвергается испытанию совести, когда отчаяние умерщвляет чувство жалости, когда добро и зло борются друг с другом за кулисами сцены, когда сострадание теряется перед человеческой жадностью и чувство самосохранения – это единственное, что имеет значение».

²⁴ «Женщины, женщины... Дайте мне часы! Дайте мне золото! Дайте мне серебро! Дайте мне папиросы, сигареты». Маловероятным представляется целенаправленный поиск советскими солдатами в немецкой деревне золота и серебра – он абсолютно не подтверждается российскими эгодокументами, где пределом мечтаний любого солдата были наручные часы.

sweat and urine". Grimacing with disgust, she added, "Those beasts haven't washed in months"²⁵ [Tannehill, p. 120].

Попытка выйти за пределы культурной мифологии Чужого применительно к русским предпринимается в книге воспоминаний Гюнтера Нича «Weeds Like Us» («Такие сорняки, как мы»). Родившийся в Кенигсберге в 1937 г., он в предисловии к книге напоминает об особом месте Восточной Пруссии, world apart, в истории Германской империи, пронизывая свои воспоминания ностальгическими нотками: «You won't find East Prussia, where most of this book takes place, on any map»²⁶ [Nitsch, p. IX]. Действие книги начинается 21 января, когда жители городка Лангендорф узнали о взятии русскими Гумбиннена, который отделяло от Лангендорфа всего восемьдесят километров. С этого момента для маленького Гюнтера начинается путь на Запад, который заканчивается сначала в Пальмниккене у Балтийского моря, ставшего впоследствии поселком Янтарное, где немецких беженцев останавливает Красная армия, затем продолжается в советской и британской зонах оккупации и, наконец, завершается в США, куда автор переезжает в 1964 г. Несмотря на то что Г. Нич отнюдь не скрывает неприглядных сторон военной действительности, неизбежной частью которых был поиск русскими солдатами «Uhren» и женщин, сопровождаемый криками «Davai» и «Frau Komm», он отнюдь не стремится демонологизировать русских солдат и представить их в образе всадников Апокалипсиса. Многие антимифы о русских, создаваемые усилиями пропаганды Геббельса, разрушаются прямо на глазах мальчика при столкновении с реальностью. Так, уверенность в том, что все русские солдаты – азиаты с «almond-eyed» («миндалевидными глазами»), исчезает после встречи со сбитым немецкими зенитчиками русским летчиком, имеющим ярко выраженную арийскую внешность: «I would have taken him for the older brother of one of my schoolmates in Langendorf»²⁷ [Nitsch, p. 55]. После того как заканчивается война, Гюнтер и его младший брат Хуберт пользуются неизменной симпатией у советских солдат, щедро делящихся с ними дарами своей полевой кухни: «He gave me a slice of bread and a piece of fried fish dripping with fat, more than enough for both of us»²⁸, – признается автор [Nitsch, p. 83].

Weeds Like Us

Gunter Nitsch

²⁵ «после еще одного акта грубого изнасилования»... «Они воняют потом и мочой. – Она добавила с гримасой отвращения: – Эти звери не моются месяцами».

²⁶ «Мы не найдем Восточной Пруссии, где происходит большая часть событий этой книги, ни на одной карте».

²⁷ «Я принял бы его за старшего брата одного из моих школьных товарищей в Лангендорфе».

²⁸ «Он дал мне кусок хлеба и кусок жареной рыбы, с которой капал жир, что было более чем достаточно для нас обоих».

На пути преодоления прусского мифа

Прусский миф как с российской, так и с немецкой стороны свидетельствует, что мифы, касающиеся негативного восприятия другого народа, обычно являются порождением официальной пропаганды и феномена заочной ненависти. Именно они препятствуют созданию атмосферы толерантности и примирения. Как правило, при близком общении между народами негативные мифы уступают место более объективным представлениям и то, что раньше вызывало активное отторжение и неприятие, теперь начинает рассматриваться со знаком плюс. Так, Я. Терентьев в своих «Записках прошагавшего пол-Европы» с большим уважением и удивлением описывает «порядочность, работоспособность и дисциплинированность» во время работы восточнопрусских женщин уже после окончания военных действий на территории этой немецкой провинции, подчеркивая: «солдатам нашего взвода их поведение нравилось» [Терентьев, с. 103]. Очень много свидетельств подобного рода можно обнаружить на сайте А. Драбкина «I remember», где представлены образцы жанра «глубокого интервью» с ветеранами Второй мировой войны – как российскими, так и зарубежными²⁹. Отвечая на вопрос о восприятии немцев, в том числе и восточных пруссаков, в послевоенные годы, авторы, принадлежащие к различным родам войск, дают однотипные ответы: разведчик Е. Ф. Агапов: «С самого начала я присматривался к немцам. И увидел, что люди есть люди. При этом, не в пример нашим соотечественникам, немцы очень ответственные, дисциплинированные. <...> Все чисто, культурно» [Агапов]; пехотинец Г. А. Мелихов: «Очень умная, серьезная и организованная нация! Для немцев главное – порядок. Порядок во всем: в культуре, в сельском хозяйстве, в промышленности, в бизнесе, в мыслях» [Мелихов]. На вопрос, заданный связисту А. Е. Кашпуру, что он думает о Пруссии, следует ответ: «Вот это красивая страна. Богатая, ухоженная» [Кашпур]. Артиллерист П. Х. Харитонов, после войны служивший в ГСОВГ (Группа советских оккупационных войск в Германии) в городке Нордхаузене (Тюрингия), в своих воспоминаниях выходит еще на одну важную проблему, связанную со спецификой национальных отношений, необходимостью отказа от попыток переделать своего оппонента по собственному образу и подобию и признания за каждым народом права на собственный ментальный рисунок своей души. Харитонов свидетельствует: «Работая в Германии, мы многому могли бы научиться, но политика сталинского руководства была иной. Наоборот – учить немцев жить по-нашему»³⁰ [Харитонов].

²⁹ См.: <http://www.iremember.ru>.

³⁰ Эта установка находила свое отражение в официальном лозунге Коммунистической партии ГДР «Учиться у русских – значит учиться побеждать».

Разумеется, надо уметь проявлять толерантность по отношению к особенностям национальной психологии, стремясь находить в них хорошие черты. Глубоко закономерно, что именно участники Второй мировой войны, прошедшие через эпоху жесточайшего политического, классового и политического мифотворчества, первыми заговорили о необходимости подобной толерантности. По мнению бывшего военного летчика Г. Литвина: «Народ есть народ, и черты его характера устойчивы. Их нельзя игнорировать и трудно изменить. Как было бы хорошо, если бы народы изучали друг друга не с целью борьбы, а с целью объединения усилий во имя мира. Как много русские могли бы почерпнуть от немцев, а немцы – от русских!» [Литвин].

В немецком сознании преодоление негативных рецидивов прусского мифа в отношении русских продолжается в контексте преодоления «Der Russland-Komplex», о котором писал немецкий историк Герд Кёнен, определяя диапазон этого комплекса словами «страх» и «восхищение»³¹ [Koenen]. Преодоление страха перед русскими в контексте прусского мифа часто происходит через обращение к Богу, как в случае с «крестницей Гитлера» Розмари Клауссен, чья книга «Und die Tränen in Diamanten verwandeln» («И слезы превратятся в бриллианты») была переведена на русский язык в 2003 г. С христианской миссией примирения Клауссен приезжала в Киев, Самару. Журналист Н. Горланов в газете «Новости Самарского региона» от 2 мая 2007 г. посвятил визиту Розмари свою статью «Крестница Гитлера просит русских простить немецкий народ» [Горланов]. Однако при внимательном чтении как интервью с Р. Клауссен, так и ее автобиографической книги становится очевидным: речь идет о процессе взаимного прощения народов, так как сама «крестница Гитлера» очень долгое время испытывала по отношению к русским лишь чувство ненависти, которое она смогла преодолеть, только обратившись к Богу [Клауссен, с. 71]. Данный аспект российско-немецких отношений требует в настоящее время очень деликатного отношения, прежде всего с немецкой стороны. Не только патриотически настроенные российские историки, вроде И. Пыхалова и А. Дюкова [Великая оболганная война], но и большинство современных россиян считают недопустимым ставить знак равенства между преступлениями нацистов в Советском Союзе и поведением Красной армии на той же земле Восточной Пруссии. Немецкие авторы недостаточно учитывают не только в мемуарных текстах, но и в научных трудах, что русские войска пришли в Восточную Пруссию после того, как стали свидетелями невиданного разгрома своей страны, сделавшегося фактом сознания нескольких поколений советских, а теперь уже российских людей.

И все-таки дух Пруссии не умер окончательно в Калининградской области. В послесловии сборника «Восточная Пруссия глазами со-

³¹ Новые аспекты немецкого взгляда на Россию представлены в кн.: [Здравомыслов].

ветских переселенцев» под заголовком «Как распорядились наследством» переселенка Е. П. Кожевникова говорит:

Зла на немцев не было. Какая-то щемящая боль была за этот народ. <...> Не было ненависти к ним. Просто чувство сожаления, что им тоже нелегко было покидать то, что было нажито, землю, где они жили. Конечно, культура их вызывает восхищение. <...> Я считаю, немцам надо приезжать сюда, нам – ездить туда, а также нашим детям и внукам. Они трудолюбивые, чистоплотные, прекрасный народ, ничего не скажешь [Восточная Пруссия, с. 307].

Фонд «Восстановление Кенигсберга», ставящий своей целью восстановление архитектурного облика города, активно обсуждает идею восстановления в Кенигсберге Королевского замка – его сердца и символа, сталкиваясь с противодействием последователей мифа о милитаристском прусском духе. История Кенигсберга из года в год воссоздается в газете «Калининградские новые колеса», на официальном сайте администрации городского округа «город Калининград»³². В 1998 г. появился знаковый для Калининградской области сборник рассказов Ю. Буйды, уроженца Калининграда, под названием «Прусская невеста», изданный впоследствии во Франции, в Великобритании, Польше, Венгрии, Эстонии, Турции, Словакии, Греции. В центральном для сборника рассказе прекрасно отражается механизм создания нового прусского мифа – на этот раз мифа Калининградской области в сознании ребенка. Ю. Буйда пишет:

Я родился в Калининградской области через девять лет после войны. <...> Жили здесь немцы. Была здесь Восточная Пруссия. <...> Десяти-двадцати-тридцатилетний слой русской жизни зыбился на семисотлетнем основании, о котором я ничего не знал. И ребенок начинал сочинять, собирая осколки той жизни, которые силой его воображения складывались в некую картину... Это было творение мифа. <...> Я слышал песнь скорби, которую пела горстка всадников в белых плащах, покинувших дорогу родину и пришедших в Пруссию – страну ужаса, в пустыню, где бушевала страшная война (так писал летописец крестоносцев Петр Дюсбургский). Гремели пушки, стрелявшие ядрами, высеченными в моренах доисторических ледников. Ползли в тумане ганзейские караваны. Сам дьявол в образе чудовищной Рыбы являл свой хребет над равниной Фришес-Гафф. Цвел боярышник. Шиповник. Пахло яблоками. Во всех временах этой вечности шел дождь, колеблемый ветром с моря. Прусское время [Буйда].

Символичен вывод, к которому приходит автор: «У моей малой родины немецкое прошлое, русское настоящее, человеческое буду-

³² <http://www.klgd.ru/city/history/gubin/toponim.php>

щее. Через Восточную Пруссию немецкая история стала частью истории русской. И наоборот» [Буйда].

А значит, прусский миф сыграл свою роль в формировании мультикультурного европейского пространства.

Список литературы

Агапов Е. Ф. Интервью [Электронный ресурс]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/gazvedchiki/agarov-evgeniy-fedorovich/> (дата обращения: 20.03.2015).

Аннинский Л. Раненые души и мертвые тела // Война/Krieg: 1941–1945 : Произведения русских и немецких писателей. М. : ПРОЗАНК, 2012. С. 5–19.

Беликов В. Война. Впечатление деревенского подростка // В. Беликов, Н. Овсянников, А. Утенков. До свидания, мальчики. Мы не были сволочами. М. : Эксмо, 2006. С. 468–585.

Бердяев Н. Судьба России : Опыты по психологии войны и национальности. М. : Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. 240 с.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения А. Болотова, писанные им самим для своих потомков. М. : Современник, 1986. 767 с.

Буйда Ю. Прусская невеста [Электронный ресурс]. URL: http://bookz.ru/authors/urii-buida/vse-prop_953/1-vse-prop_953.html (дата обращения: 20.03.2015).

Бежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки русской культуры 1999. 792 с.

Великая оболганная война-2 : Нам не за что каяться! : сборник / А. Дюков, Д. Макеев, И. Пыхалов, О. Россов, И. Петров, К. Асмолов, Н. Мендкович; ред.-сост. А. Дюков. М. : Яуза : Эксмо, 2008. 432 с.

Вильгельм II, император Германии, король Пруссии // Военная энциклопедия : в 18 т. Т. 6. СПб. : Т-во И. Сытина, 1911. С. 376–377.

Восточная Пруссия глазами советских переселенцев : Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. 2-е изд., испр. и доп. Калининград : Изд-во КГУ, 2003. 336 с.

ГАКО – Государственный архив Калининградской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 223 (Из радиопередачи «Будущее Калининграда». 20.09.1947 г.); Д. 22. Л. 20 (Из передачи «Кёнигсбергская победа». 7.04.1948 г. Автор – Прахов); Л. 33 (Из радиопередачи «Древняя славянская земля возвращена законным хозяевам». 10.04.1948 г.).

Горланов Н. Крестница Гитлера просит русских простить немецкий народ // Новости Самарского региона, 2 мая 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru:12000/site/?act=monitor&id=10471> (дата обращения: 21.03.2015).

Жукова Ю. К. Девушка со снайперской винтовкой : Воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. 1944–1945 гг. М. : Центрполиграф, 2006. 222 с.

Здравомыслов А. Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии : 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарии. М. : РОССПЭН, 2003. 544 с.

Кантор Ю. Обрушение Пруссии // Время новостей. 2010. № 2. 13 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vremya.ru/print/245113.html> (дата обращения: 03.04.2015).

Кашиур А. Е. Интервью [Электронный ресурс]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/svyazisti/kashpur-aleksandr-efimovich/> (дата обращения: 03.04.2015).

Клауссен Р. И слезы обратятся в бриллианты. Киев : Фарес, 2005. 109 с.

Копелев Л. Хранить вечно. М. : Вся Москва, 1990. 688 с.

Костяшов Ю. Изгнание прусского духа // Костяшов Ю. Изгнание прусского духа ; Маттеэ Э. Запрещенное воспоминание. Калининград : Изд-во КГУ, 2003. 162 с.

Лажечников И. Походные записки русского офицера. М. : Кучково поле : Евробонд, 2013. 208 с.

Литвин Г. А. Сломанные крылья Люфтваффе. [Электронный ресурс]. URL: http://rudolf.webservis.ru/72ag_books/history/slomannie_luftwaffe/ дата обращения: 03.04.2015).

Маубах Ф. Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1939–1945) // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей. Краснодар, 2010. С. 147–177.

Меликов Г. А. Интервью [Электронный ресурс]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhhotintsi/melikov-georgiy-aleksandrovich/> дата обращения: 03.04.2015).

Михалков С. В., Михалков М. В. Два брата – две судьбы: Мемуары. М.: Центрполиграф, 2005. 447 с.

Михин П. А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!»: Мы умирали, чтобы победить. М.: Яуза: Эксмо, 2006. 576 с.

Молок А. И. Немецкий военный разбой в Европе (X–XX века). Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945. 272 с.

Невский А. В. Мои дела военные // Мухин Ю. По повестке и по призыву: Некадровые солдаты Великой Отечественной. М.: Яуза: Эксмо, 2005. С. 95–158.

Никонов Н. Веталка: роман. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1988. 544 с.

Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 244 с.

Падение Кенигсберга // Правда. 1945. 13 и 15 апр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.shpl.ru/readers/special_interests/gazetapravda_polnyj_elektronnyj_arhiv_19122009 (дата обращения: 04.04.2015).

Полян П. Не по своей воле: История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.

Рабичев Л. Война все спишет: Воспоминания офицера-связиста 31-й армии. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2010. 273 с.

Ржевская Е. М. Берлин, май 1945: Записки военного переводчика. Рассказы. М.: Московский рабочий, 1986. 320 с.

Сатюков С. «Незаконнорожденные!»: дети красноармейцев и немецких женщин после 1945 года // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей. Краснодар, 2010. С. 317–339.

Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М.: РОССПЭН, 1995. 400 с.

Сенявская Е. С. Красная армия в Европе в 1945 году: Старые и новые стереотипы восприятия в России и на Западе. 14.05.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://rugraz.net/index.php/ru/istoricheskoe-dostoinstvo/velikaja-otechestvennaja/1169-e-senknigajavskaja-krasnaja-armija-v-jevrope-v-1945-godu-staryje-i-novyje-stereotipy-vosprijatija-v-rossii-i-na-zapade> (дата обращения: 03.04.2015).

Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Сумленный С. Немецкая система: Из чего сделана Германия и как она работает. М.: Группа Эксперт, 2010. 456 с.

Терентьев Я. Записки прошагавшего пол-Европы. СПб.: Гиперион, 2002. 200 с.

Харитонов П. Х. Интервью [Электронный ресурс]. URL: http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/andreev-petr-kharitonovich/?sphrase_id=7428 (дата обращения: 04.04.2015).

Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Эксмо, 2003. 480 с.

Щеголов Дм. Три тире. Уполномоченный военного совета. М.: Советский писатель, 1967. 584 с.

Эренбург И. Военная публицистика 1941–1945 гг. в газете «Известия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.shpl.ru/readers/special_interests/gazeta_izvestiya_polnyj_elektronnyj_arhiv_19172010/ (дата обращения: 04.04.2015).

Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. London: Viking, 2002. 528 p.

Böddeker G. Die Flüchtlinge: Die Vertreibung der Deutschen im Osten. München; Berlin: F. A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH, 1980. 480 S.

Gerlach H. Nighmare in Red. London: Creation House, 1970. 239 p.

Grass G. Beim Häuten der Zwiebel. Göttingen: Steidl Verlag, 2006. 480 S.

Haffner S. Preußen ohne Legende. Siedler, Stern-Magazine, 1979. 536 S.

Hastings M. Armageddon. The battle for Germany 1944–1945. London: Pan book, 2005. 660 p.

Hoffmann J. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1998. 400 S.

Jünger E. Jahre der Okkupation (april 1945 – dezember 1948). Stuttgart: Ernst Klett, 1958. 310 S.

Koenen G. Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten. 1900–1945. München: C. Y. Beck Verlag, 2005. 528 S.

- Köpp G. Warum war ich bloß ein Mädchen? Das Trauma einer Flucht 1945. Mit einem Nachwort von Dr. Birgit Beck-Heppner. Herbig, 2010. 160 S.
- Mueller M. G. Lost Years. Memories of my forgotten homeland. LMSEDIT, Cornwall Ontario, 2008. 129 p.
- Naimark N. M. *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. Cambridge, Mass. ; London : Harvard University Press, 1995. 586 p.
- Nitsch G. Weeds Like Us. Bloomington, In : Authorhouse, 2008. 465 p.
- Rauschenbach H. Von Pillkallen nach Schadrinsk. Leipzig : Rautenberg, 2004. 200 S.
- Samuel W. W. E. German Boy. A child in war. University Press of Mississippi, 2000. 424 p.
- Schreiber M. Welt aus Schmerz und Stille // Der Spiegel. 2006. No. 35. S. 152–158.
- Schubart W. Europa und die Seele des Ostens. Luzezn : Vita Nova Vlg, 1947. 317 S.
- Scorzeny O. My commando operations. The Memoirs of Hitler's Most Daring Commando. Atglen, PA : Schiffer Publishing Ltd, 1995. 468 p.
- Smith A. D. Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic. London : Blackwell Publishing, 2008. 245 p.
- Surminski A. Aus dem Nest gefallen: Geschichten aus Kalischken. Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1978. 119 S.
- Surminski A. Jokelhen oder Wie lange fährt man von Ostpreußen nach Deutschland. Ullstein Tb, 2003. 496 S.
- Tannehill E. Abandoned and forgotten. An Orphan Girl's Tale of Survival During World War II. Tucson, Arizona : Wheatmark, 2006. 431 p.
- Wieck M. Zeugnis vom untergang Königsbergs. Ein "Geltungsjude" Berichtet. München : C. H. Beck Verlag, 2005. 404 S.

References

- Agapov, E. F. (n.d.). *Interv'yu* [An Interview], available at: <http://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/agapov-evgeniy-fedorovich/> (accessed: 20.03.2015).
- Anninskij, L. (2012). Raneny'e dushi i mertvy'e tela [Wounded Souls and Dead Bodies]. In *Vojna/Krieg: 1941–1945 : Proizvedeniya russkikh i nemeckikh pisatelej* (pp. 5–19). Moscow, PROZAiK.
- Beevor, A. (2002). *Berlin. The Downfall 1945*. 528 p. London, Viking.
- Belikov, V. (2006). Vojna. Vpechatlenie derevenskogo podrostka [War. Impressions of a Rural Teenager]. In Belikov, V., Ovsyannikov, N. & Utenkov, A. *Do svidaniya, mal'chiki. My' ne by'li svolochami* (pp. 468–585). Moscow, E'ksmo.
- Berdyaev, N. (1918). *Sud'ba Rossii: Opy'ty' po psikhologii vojny' i nacional'nosti* [The Destiny of Russia: Notes on the Psychology of War and Nationality]. 240 p. Moscow, Izdanie G. A. Lemana i S. I. Saharova.
- Böddeker, G. (1980). *Die Flüchtlinge: Die Vertreibung der Deutschen im Osten*. 480 p. München, Berlin, F. A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH.
- Bolotov, A. T. (1986). *Zhizn' i priklyucheniya A. Bolotova, pisanny'e im samim dlya svoih potomkov* [The Life and Adventures of A. Bolotov Written by Him for His Progeny]. 767 p. Moscow, Sovremennik.
- Bujda, Yu. (n.d.). *Prusskaya nevesta* [A Russian Bride], available at: http://bookz.ru/authors/urii-bujda/vse-prop_953/1-vse-prop_953.html (accessed: 20.03.2015).
- Dyukov, A., Makeev, D., Py'halov, I., Rossov, O., Petrov, I., Asmolov, K. & Mendkovich, N. (2008). (Dyukov, A., ed., comp.). *Velikaya obolgannaya vojna-2: Nam ne za chto kayat'sya! sbornik* [The Great Slandered War-2: We Have Nothing to Repent]. (A Collection). 432 p. Moscow, Yauza, E'ksmo.
- E'renburg, I. (n.d.). *Voennaya publicistika 1941–1945 gg. v gazete «Izvestiya»* [War Articles of 1941–1945 in Izvestiya Newspaper], available at: http://www.shpl.ru/readers/special_interests/gazeta_izvestiya_polnyj_elektronnyj_arhiv_19172010/ (accessed: 04.04.2015).
- Gerlach, H. (1970). *Nightmare in Red*. 239 p. London, Creation House.
- Gorlanov, N. (2007). Krestnicza Gitlera prosit russkikh prostit' nemeckij narod [Hitler's Goddaughter Asks Russians to Forgive the German People]. In *Novosti Samarskogo regiona, May 2*, available at: <http://www.portal-credo.ru:12000/site/?act=monitor&id=10471> (accessed: 21.03.2015).

- Gosudarstvennyj arhiv Kaliningradskoj oblasti*. Stock 19. List 1. Dossier 10. Leaf 223 (Iz radioperedachi «Budushhee Kaliningrada». 20.09.1947 g.) [State Archive of Kaliningrad Region. Stock 19. List 1. Dossier 10. Leaf 223 (From Radio Programme *The Future of Kaliningrad*. 20.09.1947)]; Dossier 22. Leaf 20 (Iz peredachi «Kyonigsbergskaya pobeda». 7.04.1948 g. Avtor – Prahov) [From the Programme *Koenigsberg Victory*. 7.04.1948. Authored by Prahov]; Leaf 33 (Iz radioperedachi «Drevnyaya slavyanskaya zemlya vozvrashhena zakonny'm hozyaevam». 10.04.1948 g.) [From Radio Programme *The Ancient Slavic Land Returns to Its Original Owners*].
- Grass, G. (2006). *Beim Häuten der Zwiebel*. 480 p. Göttingen, Steidl Verlag.
- Haffner, S. (1979). *Preußen ohne Legende*. 536 p. Siedler, Stern-Magazine.
- Haritonov, P. H. (n.d.). *Interv'yu* [An Interview], available at: http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/andreev-petr-kharitonovich/?sphrase_id=7428 (accessed: 04.04.2015).
- Hastings, M. (2005). *Armageddon. The battle for Germany 1944–1945*. 660 p. London, Pan book.
- Hoffmann, J. (1998). *Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945*. 400 p. München.
- Jünger, E. (1958). *Jahre der Okkupation (april 1945 – dezember 1948)*. 310 p. Stuttgart, Ernst Klett.
- Kantor, Yu. (2010). Obrusenie Prussii [The Russification of Prussia], *Vremya novostei*, 2, January 13, available at: <http://www.vremya.ru/print/245113.html> (accessed: 03.04.2015).
- Kashpur, A. E. (n.d.). *Interv'yu* [An Interview], available at: <http://iremember.ru/memoirs/svyazisti/kashpur-aleksandr-efimovich> (accessed: 03.04.2015).
- Klaussen, R. (2005). *I slezy' obratyatsya v brilliandy* [And Tears Will Turn to Diamonds]. 109 p. Kiev, Fares.
- Koenen, G. (2005). *Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten. 1900–1945*. 528 p. München, C. Y. Beck Verlag.
- Kopelev, L. (1990). *Hranit' vechno* [Keep in Perpetuity]. 688 p. Moscow, Vsesya Moskva.
- Köpp, G. (2010). *Warum war ich bloß ein Mädchen? Das Trauma einer Flucht 1945. Mit einem Nachwort von Dr. Birgit Beck-Heppner*. 160 p. Herbig.
- Kostyashov, Yu. (2003). Izgnanie prusskogo duha [The Exorcism of the Prussian Spirit]. In Kostyashov, Yu. *Izgnanie prusskogo duha*; Mattes E'. *Zapreshhennoe vospominanie*. 162 p. Kaliningrad, KGU.
- Lazhechnikov, I. (2013). *Pohodny'e zapiski russkogo oficera* [The War Notes of a Russian Officer]. 208 p. Moscow, Kuchkovo pole, Evrobond.
- Litvin, G. A. (n.d.). *Slomanny'e kry'l'ya Lyuftvaffe* [The Broken Wings of the Luftwaffe], available at: http://rudolf.webservis.ru/72ag_books/history/slomannie_luftwaffe/ (accessed: 03.04.2015).
- Maubah, F. (2010). Skazki, igry', rolevoj obmen: detskoe osvoenie voennogo nasiliya (1939–1945) [Fairytale. Games, Role Play: Children's Adoption of War Violence (1939–1945)]. In *Vtoraya mirovaya vojna v detskih «ramkah pamyati»: sbornik nauchny'h statej* (pp. 147–177). Krasnodar.
- Melikov, G. A. (n.d.). *Interv'yu* [An Interview], available at: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/melikov-georgiy-aleksandrovich/> (accessed: 03.04.2015).
- Mihalkov, S. V. & Mihalkov, M. V. (2005). *Dva brata – dve sud'by: Memuary'* [Two Brothers – Two Destinies: Memoirs]. 447 p. Moscow, Centrpoligraf.
- Mihin, P. A. (2006). «Artilleristy', Stalin dal prikaz!»: My' umirali, chtoby' pobedit' [“Artillerists, Stalin has issued an order!”: We Died to Win]. 576 p. Moscow, Yauza, E'ksmo.
- Molok, A. I. (1945). *Nemeczkij voennyj razboj v Evrope (X–XX veka)* [German Military Banditry in Europe (10–20th Centuries)]. 272 p. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury'.
- Mueller, M. G. (2008). *Lost Years. Memories of my forgotten homeland*. 129 p. LMSE-DIT, Cornwall Ontario.
- Naimark, N. M. (1995). *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. 586 p. Cambridge, Mass., London, Harvard University Press.
- Nevskij, A. V. (2005). *Moi dela voenny'e* [My Military Affairs]. In Muhin, Yu. *Po poveske i po prizy'vu: Nekadrovye soldaty' Velikoj Otechestvennoj* (pp. 95–158). Moscow, Yauza, E'ksmo.
- Nikonov, N. (1988). *Vestalka: roman* [The Vestal: A Novel]. 544 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Nikulin, N. N. (2008). *Vospominaniya o vojne* [Memoirs of War]. 244 p. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo E'rmitazha.

- Nitsch, G. (2008). *Weeds Like Us*. 465 p. Bloomington, IN, Authorhouse.
- Padenie Kenigsberga [The Fall of Koenigsberg]. (1945). *Pravda*, April 13, 15, available at: http://www.shpl.ru/readers/special_interests/gazeta_pravda_polnyj_elektronnyj_arhiv_19122009 (accessed: 04.04.2015).
- Polyan, P. (2001). *Ne po svoej vole : Istoriya i geografiya prinuditel'ny'h migracij v SSSR* [Against the Will: The History and Geography of Forced Migration in the USSR]. 328 p. Moscow, OGI-Memorial.
- Rabichev, L. (2010). *Vojna vse spisshet: Vospominaniya oficera-svyazista 31-j armii. 1941–1945* [The War Will Write Everything Off: Memoirs of a Signaler Officer of the 31st Army, 1941–1945]. 273 p. Moscow, Centropoligraf.
- Rauschenbach, H. (2004). *Von Pillkallen nach Schadrinsk*. 200 p. Leipzig, Rautenberg.
- Rzhevskaya, E. M. (1986). *Berlin, maj 1945: Zapiski voennogo perevodchika. Rasskazy'* [Berlin, May 1945: Notes of a Military Interpreter. Stories]. 320 p. Moscow, Moskovskij rabochij.
- Samuel, W. E. (2000). *German Boy. A child in war*. 424 p. University Press of Mississippi.
- Satyukov, S. (2010). «Nezakonnorozhdenny'e!»: deti krasnoarmejcev i nemeckikh zhenshin posle 1945 goda [Illegitimate Children of Red Army Soldiers and German Women after 1945]. In *Vtoraya mirovaya vojna v detskikh «ramkah pamyati»: sbornik nauchny'h statej* (pp. 317–339). Krasnodar.
- Schreiber, M. (2006). Welt aus Schmerz und Stille, *Der Spiegel*, 35, pp. 152–158.
- Schubart, W. (1947). *Europa und die Seele des Ostens*. 317 p. Luzezn, Vita Nova Vlg.
- Scorzeny, O. (1995). *My commando operations. The Memoirs of Hitler's Most Daring Commando*. 468 p. Atglen, PA, Schiffer Publishing Ltd.
- Semiryaga, M. I. (1995). *Kak my' upravlyali Germaniej* [How We Ruled Germany]. 400 p. Moscow, ROSSPE'N.
- Senyavskaya, E. S. (2006). *Protivniki Rossii v voynah XX veka. E'volyuciya «obraza vraga» v soznanii armii i obshhestva* [Russia's Enemies in the 20th Century Wars: The Evolution of the Image of Enemy in the Consciousness of Army and Society]. 288p. Moscow, ROSSPE'N.
- Senyavskaya, E. S. (n.d.). *Krasnaya armiya v Evrope v 1945 godu: Stary'e i novy'e stereotipy' vospriyatiya v Rossii i na Zapade* [The Red Army in Europe in 1945: Old and New Stereotypes of the Perception of Russia], available at: <http://rugraz.net/index.php/ru/istoricheskoe-dostoinstvo/velikaja-otechestvennaja/1169-e-senknigajavskaja-krasnaja-armiya-v-jevrope-v-1945-godu-starye-i-novyje-stereotipy-vospriyatija-v-rossii-i-na-zapade> (accessed: 03.04.2015).
- Shheglov, Dm. (1967). *Tri tire. Upolnomochennyj voennogo soveta* [Three Dashes. The Authorized Representative of the Military Council]. 584 p. Moscow, Sovetskij pisatel'.
- Shubart, V. (2003). *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the Soul of the East]. 480 p. Moscow, E'ksmo.
- Smith, A. D. (2008). *Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic*. 245 p. London, Blackwell Publishing.
- Sumlennyj, S. (2010). *Nemeczkaya sistema: Iz chego sdelana Germaniya i kak ona rabotaet* [The German System: What Germany Is Made of and How It Functions]. 456 p. Moscow, Gruppy E'kspert.
- Surminski, A. (1978). *Aus dem Nest gefallen: Geschichten aus Kalischken*. 119 p. Rowohlt Taschenbuch Verlag.
- Surminski, A. (2003). *Jokehnen oder Wie lange fährt man von Ostpreußen nach Deutschland*. 496 p. Ullstein Tb.
- Tannehill, E. (2006). *Abandoned and forgotten. An Orphan Girl's Tale of Survival During World War II*. 431 p. Tucson, Arizona, Wheatmark.
- Terent'ev, Ya. (2002). *Zapiski proshagavshego pol-Evropy'* [The Notes of a Man That Has Walked across Half of Europe]. 200 p. Saint Petersburg, Giperion.
- Vezhbizckaya, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisanie yazy'kov* [Semantic Universals and the Description of Languages]. 792 p. Moscow, Yazy'ki russkoj kul'tury'.
- Vil'gel'm II, imperator Germanii, korol' Prussii [Wilhelm II, Emperor of Germany, King of Prussia]. (1911). In *Voennaya e'nciklopediya* (in 18 vols.). (Vol. 6, pp. 376–377). Saint Petersburg, Tovarishhestvo I. Sy'tina.
- Vostochnaya Prussiya glazami sovetskikh pereselencev: Pervy'e gody' Kaliningradskoj oblasti v vospominaniyah i dokumentah [Eastern Prussia in the Eyes of Soviet Immigrants:

The First Years of Kaliningrad Region in Memoirs and Documents]. (2003). (2nd ed.). 336 p. Kaliningrad, KGU.

Wieck, M. (2005). *Zeugnis vom untergang Königsbergs. Ein "Geltungsjude" Berichtet*. 404 p. München, C. H. Beck Verlag.

Zdravomy'slov, A. G. (2003). *Nemcy' o russkih na poroge novogo ty'syacheletiya. Besedy' v Germanii : 22 e'kspertny'h interv'yu s predstavatelyami nemeckoj intellektual'noj e'lity' o Rossii – ee nastoyashhem, proshlom i budushhem – kontent-analiz i kommentarii* [Germans about Russians at the Turn of the New Mellennium. Conversations in Germany: 22 Expert Interviews with the Representatives of the German Intellectual Elite about Russia – Its Present, Past and Future – Content Analysis and Commentaries]. 544 p. Moscow, ROSSPE'N.

Zhukova, Yu. K. (2006). *Devushka so snajperskoj vintovkoj: Vospominaniya vy'pusknicy' Central'noj zhenskoj shkoly' snajperskoj podgotovki. 1944–1945 gg.* [A Girl with a Sniper Rifle: Memoirs of a Graduate of the Central Women's School of Sniper Training]. 222 p. Moscow, Centrpoligraf.

The article was submitted on 13.04.2015

Елена Евгеньевна Приказчикова,
профессор,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
miegata-logos@yandex.ru

Elena Prikazchikova,
Professor,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
miegata-logos@yandex.ru